

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Савельева Александра Владиславовича

«Отражение диалектных особенностей в старописьменных

памятниках чувашского языка XVIII века

(на материале Словаря Палласа)»,

представленной на соискание ученой степени

кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 –

Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки)

Диссертационная работа А.В. Савельева посвящена отражению диалектных особенностей в чувашском материале памятников XVIII века, в основу которых легли данные языков мира, собранные по желанию российской императрицы Екатерины II. Работой по составлению «Сравнительных словарей всех языков и наречий, собранных десницею Всевысочайшей особы» (часть I — 1787 год, часть II — 1789 год) и «Сравнительного словаря всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенного» (1790–1791 годы) руководил П.С. Паллас (1741–1811). Автор диссертационного исследования объединил эти словари под общим названием «Словарь Палласа», учитывая то, что упомянутые словари отличаются в основном принципом построения словника, но представленный в них лексический материал практически одинаков.

Диссертационная работа состоит из введения, трех пространных глав, заключения, помет и сокращений, списка литературы и приложений.

В вводной части диссертации обосновывается актуальность работы, раскрывается степень разработанности проблемы, дается объективная оценка предшествующим работам, посвященным исследованию «Словаря Палласа», аргументируется научная новизна исследования, приводятся объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, описаны методы исследования, указывается теоретико-методологическая и эмпирическая базы исследования, раскрываются теоретическая и практическая значимость

результатов вынесенного на защиту труда, определяются основные положения, выносимые на защиту, обосновывается структура диссертационной работы, приводятся сведения об апробации результатов работы и список публикаций по теме диссертации, то есть приведены все необходимые атрибуты диссертационных исследований. Кроме этого, автор подробно остановился на истории создания Словаря Палласа, уделил внимание структуре памятника, принципам анализа старописьменных памятников, краткому обзору диалектов чувашского языка и особенностям подачи материала.

В первых двух главах А.В. Савельев пытался раскрыть отражение системы согласных и гласных в чувашских материалах «Словаря Палласа». Им была проделана большая работа по полной росписи чувашского материала, которая показала, что «отражение системы согласных в памятнике построено на сложных и, вместе с тем, непротиворечивых принципах. Запись консонантизма "палласовских" говоров лишь в малой степени страдает от ошибок при переписывании или наборе», что «в основном речь идет о смещении [Ъ] и [ь] при обозначении твердости-мягкости согласных в ауслауте», что подобные «ошибки многочисленны, но достаточно легко опознаются», а «прочие искажения орфографии памятника носят единичный характер» [с. 112-113].

Автор заметил закономерности отражения шумных согласных, сохраняющихся и в современном чувашском языке, которые проявляются в том, что «в анлаутной и ауслаутной позиции шумные реализуются в глухом варианте, а в позиции между гласными или после сонанта перед гласным озвончаются» [с. 113].

Здесь же описаны особенности геминации согласных, выявлены некоторые закономерности (например, «в предударной позиции ожидаемый геминированный согласный передается через одинарную букву, а в заударной – через двойную» [с. 113]), в специальной таблице обобщены способы записи шумных согласных в чувашской части «Словаря Палласа». Автор уделил немало внимания особенностям сонантов и отражения твердости и мягкости согласных. Замечания и выводы молодого ученого, на наш взгляд, вполне убедительны.

Полная роспись чувашской части «Словаря Палласа» позволила исследователю проанализировать отражение в памятнике системы чувашских гласных. Прделав большую работу, А.В. Савельев пришел к выводу, что «передача чувашского вокализма в данном источнике носит вполне последовательный характер, хотя из-за использования неадаптированной русской графики многие буквы оказываются фонетически многозначными», что «лишь в небольшой степени подвержена графическим ошибкам при переписывании или наборе. Если не считать диакритики, то самые распространенные ошибки при передаче гласных — смешение [a] и [я], а также [a] и [o], что обусловлено сходством рукописных вариантов этих букв. Однако и эти графические искажения встречаются всего по несколько раз» [с. 166].

Заслуживает одобрения и тот факт, что диссертант заметил, что «в памятнике многочисленны ошибки, проистекающие из неверной интерпретации переписчиками надстрочных знаков. Например, часто смешиваются буквы [ю], [jó] и [jô], имеющие разные фонетические значения. Однако для большинства таких случаев могут быть предложены надежные конъектуры на основании исторической фонетики чувашского языка и с учетом симметричного характера тюркского вокализма» [с. 167].

О серьезном подходе к работе свидетельствуют выводы автора относительно отражения гласных исходя из соблюдения правил русской орфографии:

1) в Словаре почти всегда соблюдаются правила о написании [жи]-[ши] и [ча]. Под влиянием русской орфографии в памятнике почти не употребляется начальный [ы-] и запрещена последовательность *[-гя] (вместо них записываются [и-] и [-ge] соответственно) [с. 167];

2) акцентные характеристики гласных также передаются в соответствии с правилами русской орфографии XVIII века. Ударение обычно помечается при помощи акута, который в позиции над последней буквой в слове регулярно исправляется во втором издании на гравис [с. 167].

Отражение гласных в «Словаре Палласа» демонстрирует специфические черты фонетики чувашских говоров XVIII века. Среди них – наличие позиционных вариантов у гласного *-e-*, противопоставление общечувашского **o* и напряженного *-y-* из сочетаний с глайдом, последовательное различие огубленных и неогубленных, а также закрытых и открытых вариантов редуцированных гласных.

Для исследователей, занимающихся проблемами диалектов чувашского языка особую ценность представляет третья глава «Реконструкция систем чувашских говоров Словаря Палласа».

Как известно, под воздействием школьного образования, СМИ, произведений художественной литературы диалектные особенности со временем нивелируются, подстраиваются под нормы литературного языка. А происходящие в диалектах чувашского языка явления очень важны для исследователей истории чувашского языка, для ученых, занимающихся сравнительно-историческими и сопоставительными исследованиями. Диалектные материалы представляют немалый интерес при этимологических изысканиях. Процессы, происходящие в обществе, также оказывают влияние не только на определенные диалекты, но и на всю систему языка конкретного народа, региона, страны и даже континентов. Многие слова со временем исчезают из лексикона вместе с предметами и явлениями, обозначаемыми ими. Некоторые же трансформируются, приобретая иные значения (например, слово *чѣлхесѣ* раньше обозначало человека, знающего разные «языки» (ворожея), теперь же имеет значение «языковед, лингвист»). Но в разных диалектах, в силу географического положения, изолированности от носителей других диалектов и говоров, трансформация лексической системы происходит не одинаково. К примеру, если взять такое явление, как гармония гласных, то в низовом диалекте она практически не наблюдается. В верховом диалекте соблюдается гармония по ряду. В средненизовом диалекте (часто называемом «зоной смешанных говоров», «переходным диалектом (или говором)» и т.д. по настоящее время сохранилась гармония по ряду, а также губная гармония,

встречающаяся лишь в некоторых подговорах верхового диалекта. Этот факт (наличие рядной и губной гармонии) ставит под сомнение обозначение данного диалекта как «зоны смешанных говоров». Специалисты по чувашской диалектологии, которые проводили исследования в зоне распространения данного диалекта, в упор не желают видеть, что особенности сингармонизма распространены, как минимум, на территории шести районов из восемнадцати. К тому же здесь встречаются существенные различия в лексике (особенно, от лексики верхового диалекта) и синтаксисе. Описывая фонетическую систему «зоны смешанных говоров», выделяя значительные отличия в фонетической системе, многие авторы говоры указанного диалекта относят к низовому диалекту (янтиковско-ибресинский говор низового диалекта, урмарско-янтиковско-канашский говор северо-западной группы низового диалекта и т.д.), хотя в говоре янтиковских и ибресинских чувашей (особенно в фонетической системе и морфологии) наблюдаются значительные отличия, а говор чувашей Урмарского и Янтиковского районов намного отличается от говора чувашей значительной части Канашского района и очень близок к говору чувашей Козловского и Мариинско-Посадского районов (северо-запад Чувашии, средненизовой диалект).

В третьей главе автор попытался реконструировать фонетические системы "палласовских" говоров чувашского языка (системы консонантизма и вокализма), морфологию "палласовских" говоров чувашского языка (именную и глагольную морфологию), лексику чувашской части «Словаря Палласа», определяя исконную лексику, заимствования из тюркских, финно-угорских, арабского, русского, кавказских языков, а также лексику чувашского происхождения в других языках Поволжья, и привел элементы синтаксиса чувашского языка. На наш взгляд, А.В. Савельев справился с поставленной целью, реконструкции получились убедительными.

А.В. Савельев практически полностью реконструировал фонетику чувашских говоров XVIII века. Ему удалось выявить множество общих черт, которые отсутствуют или не были отмечены в современных диалектах

чувашского языка. Но некоторые фонетические особенности исследователем справедливо относятся к разряду специфических для верхового или низового "палласовского" говора.

Особо хотелось бы обратить внимание на Приложения. Приложение 1 «Словарь чувашской лексики по материалам П.С. Палласа» имеет поосновную структуру и содержит 319 вхождений. Для каждой основы приводятся:

1) номер в электронной базе данных, оформленной в программе С. А. Старостина Starling;

2) реконструированная общечувашская форма в фонематической записи;

3) значения (по П. С. Палласу);

4) записи в первом и втором издании Словаря Палласа, отражающие данную основу;

5) фонетические прототипы записей с данной основой, последовательно помеченные как верховые или низовые;

6) орфографические соответствия данных записей в литературном чувашском языке;

7) марийские, удмуртские и мордовские слова, зафиксированные в этом же памятнике и этимологически связанные с данной чувашской основой;

8) диалектная принадлежность зафиксированных форм;

9) этимологические комментарии;

10) ссылки на другие основы, зафиксированные в составе тех же сложений, что и рассматриваемая. Данное приложение может быть полезно исследователям, которые в дальнейшем будут заниматься вопросами исторической грамматики чувашского языка и памятников чувашского языка XVIII века.

В Приложения 2–6 приводятся алфавитные индексы, облегчающие ориентацию в языковом материале рассматриваемого памятника. Кроме того, каждое из этих приложений имеет самостоятельную теоретическую и практическую значимость (**Приложения 2 и 3** могут пригодиться при дальнейшей разработке исторической диалектологии чувашского языка, **Приложение 4** будет полезно филологам, занимающимся «Словарем

Палласа» с точки зрения истории лексикографии, **Приложение 5** может быть использовано для ознакомления с материалом памятника лицами без специальной филологической подготовки, однако владеющими чувашским литературным языком, а **Приложение 6** упрощает работу с электронной базой данных чувашской лексики по материалам П.С. Палласа, которая легла в основу приводимого в **Приложении 1**.

Выводы диссертационного исследования были изложены на конференциях разного уровня в 2013-2014 гг. (7-х Тенишевских чтениях (Москва, 26–27 апреля 2013 г.), на XIII международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа, 13–14 сентября 2013 года) и на конференции «Урало-алтайские исследования» (Московская область, 2–4 июня 2014 г.)), а также обсуждались на заседаниях Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН.

По теме диссертации опубликовано 5 работ общим объемом 4,8 п.л., в том числе в научных журналах, рекомендованных ВАК – 3 статьи.

Работа написана доступным, но в то же время корректным научным языком. Это наглядно демонстрирует прекрасное знание автором предмета исследования и достаточно высокий уровень овладения комплексом приемов и методов современного языкознания, а также понятийным аппаратом строго научного описания системы языка.

Наряду с отмеченными научными достижениями в рецензируемом исследовании имеются отдельные моменты, вызывающие возражения. Однако при этом считаем необходимым подчеркнуть, что они не имеют прямого отношения ни к общей теоретической концепции автора, ни используемых им приемов и методов анализа и критериев доказательства, а имеют отношение лишь к конкретным толкованиям фактического материала и к отдельным частным вопросам. В их числе хотелось бы отметить следующие:

1) автор диссертационного исследования вслед за предыдущими исследователями выделяет только два диалекта чувашского языка: верховой и низовой. Хотелось бы, чтобы в научной работе, выполненной под

руководством профессора О.А. Мудрака, уделялось внимание и другим диалектам (кроме верхового и низового диалектов существует средний или средненизовый, а О.А. Мудрак в интервью, данном корреспонденту районной газеты Ядринского района после экспедиции в с. Малое Карачкино, предлагал выделить еще и малокарачкинский говор в отдельный диалект);

2) в диссертационной работе нет ссылок на последние труды профессора Л.П. Сергеева и его коллег по диалектологической лаборатории ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, в которых авторы по-новому рассматривают проблемы чувашской диалектологии (в частности, Сергеев Л.П. Диалектная система чувашского языка: монография. Чебоксары: ЧГПУ, 2007. 428 с.; Сергеев Л.П., Павлов В.В. Чăваш диалектологийĕ: Вырăнти сăмахсен виçĕ ёмĕр хушшинчи кун-çулĕ: (В.Н. Татищев словарĕсем тăрăх). Шупашкар: Чăваш педагогика ун-чĕн изд-ви, 2008. 63 с.; Сергеев Л.П., Ахвандерова А.Д., Денисова Т.В., Павлов В.В. Диалектологический словарь чувашского языка. 2-е изд., перераб и доп. Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2013. 232 с. и др.);

3) вызывают сомнение слова автора относительно того, что «появление в части основ анлаутного [б-] на месте ожидаемого анлаутного [п-] <...> синхронно не мотивировано, но <...> по-видимому, может объяснена в рамках исторической фонетики тюркских языков».

Диссертационная работа Александра Владиславовича Савельева «Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа)» в целом представляется серьезным и содержательным, глубоко продуманным, насыщенным соответствующим репрезентативным эмпирическим материалом самостоятельным научным исследованием, посвященным сложной, запутанной и слабо изученной, а потому актуальной проблеме изучения отражения диалектных особенностей чувашского языка в старописьменных памятниках XVIII века, и, вне всякого сомнения, заслуживает самой высокой оценки.

Теоретические положения, репрезентативный эмпирический материал и научные результаты диссертационного исследования достаточно подробно и адекватно отражены в автореферате и серии научных статей (5 публикаций).

Выдвинутая на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.02 – языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки) диссертационная работа Александра Владиславовича Савельева «Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа)» является научно-квалификационной работой, соответствующей критериям пп. 9, 10 Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор А.В. Савельев заслуживает присвоения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки).

Официальный оппонент:

Кузнецов Александр Валерьянович,
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник филологического направления
бюджетного научного учреждения Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики
Чувашской Республики,
заместитель председателя Научно-методического совета
Министерства образования и молодежной политики
Чувашской Республики,
член Межведомственной комиссии по чувашскому языку

19.01.2015 г.

ЧГИГН,
428015, г. Чебоксары,
Московский пр-т, д. 29, корп. I,
тел. 8(8352)45-00-10,
human2000@yandex.ru,
www.chgign.ru